

Г. Я. Мокеев,
кандидат архитектуры

«Якоже горний Ерусалим»

Пришлец Великого Града... ко иным глаголет: «Видев убо... преславное Граду видение; о нем же по части несть ми съзлаголати: преудивиши бо ми ся мудраа основания твердости, и крепости стен, и оутверждение врат, и сведение столп, и полат оукрашение; разоум же не прииде ни ко единому оушщирению... Да тем не могоу иным исповедати, ибо сам аз не насладиться тоа неизреченных красот».

Новгородский летописец XV века

Содержание и форма суть категории, которыми оперирует исследователь искусства. Изучение древнерусских мозаик, стенописей, икон, резной скульптуры, мелкой пластики, музыки вполне укладывается в общепринятую методику художественных оценок. Куда как менее результативен анализ памятников архитектуры, «высшее» содержание которых специфично и передавалось нередко символически, не всегда ныне понятной в своей конкретности. И уж совсем неизвестным предстает символическое содержание городских структур, градостроительных композиций. Древнерусские города до сих пор не раскрыли духовного смысла своего облика, хотя люди нашего времени, всматриваясь в них, ощущали, чувствовали наличие этого неведомого смысла.

Обычно исследователи проводят формальный анализ того или иного древнерусского города по выработанному довольно стандартному набору: природное местоположение, историческая эволюция структуры, особенности планировки, застройки, композиции, характерные черты индивидуального облика, неповторимость силуэта и проч. Эстетический угол зрения позволяет в какой-то степени охарактеризовать город, и тем дело ограничивается.

Но в древних хрониках, актах, других исторических документах проскальзывают иногда скупые, к тому же очень туманные сведения о символических образах, на которые, очевидно, равнялись древнерусские градостроители, да и в городах встречаются реализованными их элементы. Заманчиво поэтому раскрыть, рассмотреть хотя бы один из них, затем поискать, в каких городах и как он был воплощен.

Забегая несколько вперед, скажем сразу, что в данной работе выбран для начала, конечно, самый высший в духовном плане градостроительный образец христианского средневековья — Небесный Град. А в качестве примеров, где следы воплощения этого «небесного

образца» обнаруживаются, взято несколько городов: Киев X века, Псков — XV, Кашин — XVI, Москва — XVII.

Предварительно необходимо иметь краткое представление о символике как способе воплощения содержания и о самом Небесном Граде как образце.

* * *

В свое время Павел Флоренский писал: «Церковный символ (архитектура, живопись, богослужебные предметы и т. д.) — это не условный знак чего-то (или кого-то) Божественного и небесного, придуманный произвольной человеческой фантазией.

В церкви символ при определенных условиях (соответствие первообразу и освящение благодатью Духа Святого) таинственно содержит в себе то, что изображает (или того, кого изображает).

Церковный символ в себе самом совершает как бы претворение земного, вещественного, материального, то есть реальности земной в реальность Царства Божия, реальность Церкви. В символе земному слову, веществу, форме или движению сообщается первозданный смысл — быть явлением и актуализацией небесных не вещественных событий и смыслов.

Природа символа — двуедина. Здесь в неслитном, но и неразделенном единстве пребывает земное (видимое) и духовное (невидимое). В символе восстановлена первозданная гармония единства «земли» и «неба». Не переставая быть «землей», символ содержит в себе «небо», а «небо», не переставая быть таковым, выражает себя, как бы воплощает себя в земном» (Флоренский П. Культ и культура).

Соединение Бога с человечеством (догмат Боговоплощения), не вещественного Духа с веществом, сделалось в Церкви главою угла. Поэтому Церковь искони, изначально стремится к изображению в вещественных и земных образах, словах, действиях всего того, чему она поклоняется. Эта изобразительность

стала главным, самым важным принципом богослужения Нового завета.

В 787 году на Седьмом Никейском соборе было сформулировано четкое положение: «Образ есть подобие Первообраза». Формулировка была мягкой, «пластичной», так как допускала сходство в разном приближении к истине. Новое положение более чем на тысячелетие определило путь христианского искусства в странах византийского влияния. Усвоенное Русью с момента ее крещения, оно было сразу же использовано и в ее христианском градостроительстве. Чтобы нагляднее увидеть в древних русских городах земные символические образы, необходимо рассмотреть некоторые из небесных первообразов.

В христианской литературе можно найти множество иносказательных отождествлений Соборной Церкви. Она, прежде всего, Земное Небо: «Божественный храм, изображая Алтарем Селение Божие, через страшный и таинственный Жертовник, то есть священный Престол, представляет Самого Господа, для того и нарицается «Престол» (Симеон Солунский. Книга о храме).

«Престолом» может быть назван не весь храм, а лишь его завершение. Среди множества отождествлений Божественного Престола — Святая Святых, Седящие Живого Бога, Очистище всемирных грехов и др., имеются такие, к которым как бы приближена тематически архитектурная символика: Место Божественного упокоения, Алтарь высочайшего жертвоприношения Сына Божия, Гроб Христов, Славы Его Селение (там же). Здесь Престол может трактоваться образно как «Голгофа» — «Крест на версе Горы», которым увенчивается храм.

Небесный Престол имеет окружение. В этой связи понятие Соборной Церкви, наоборот, расширяется до масштабов этого окружения: «Престол стояще на небеси, и на Престоле — Седящ. И Седяй бе подобен видением камени иапису и сардинови... И окрест Престола — престоли дванадесят и четьри, и на престолах видех двадесят и четьри старцы седящия, облечены в белые ризы и имяху венцы златы на главех своих... И седьм свещников огненных горящих перед Престолом, яже суть седьм духов Божиих...» (Апок., IV, 5, 6, 20). Откровение — Апокалипсис Иоанна Богослова пришло на Русь с ее крещением; указание на множество престолов на небе есть у пророка Даниила (Дан., VII, 9, 10). «Небесное число» престолов — 25 (1+24), как увидим далее, было широко использовано древнерусскими градостроителями.

Божественный Престол в окружении 24 престолов стоит посреди Небесного Града, поэтому понятие Соборной Церкви расширяется также и до масштабов этого Града: «Храм Божий... есть образом Града святого Нового Иерусалима, сходящего с небесе от Бога». Град этот «имуц стену велику и высоку, имуц врат дванадесять... от востока врата троя, и от севера врата троя, и от юга врата троя, и от запада врата троя... И стена Града имеше оснований дванадесять, и на них имен дванадесять Апостолов Агнчих... (Апок., XXI, 2, 12, 13, 14, 16).

Вообще же место на небе, где обитает Царственная Божественная Троица, имеет множество разных наименований: Скиния Бога с человеками, Нива Божия, Рай Небесный, Гора Господня, Вышняя Гора Сион, Селение Божие, Обитель Троицы, Великий Дом, Дом Святой Троицы, Святая Божественная Ограда, Великий Град, Горний Град, Град Небесный, Град Божий, Горний или Вышний Иерусалим и другие. В наименованиях отражены как бы различные ипостаси (сущности) образа Божественной Обители, указаны их масштабы, различные грани восприятия. Это тот безграничный ряд образов, который окружал и обогащал творчество древнерусских зодчих. Небесный Град — лишь один из образов. Как он был использован древнерусскими градостроителями, есть смысл рассмотреть при конкретном анализе самих русских городов.

* * *

Киев начал перестраиваться сразу же, как только было крещено в 988 году его население. Уже к следующему году князь Владимир поставил вокруг своего двора новый город-крепость на Киевской горе. Строительством «христианской» крепости князь устраивал возможность каких-либо насильственных рецидивов со стороны язычников. Одновременно он вызвал «из грек» зодчих, и они к 996 году возвели в середине крепости огромный каменный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Владимир отдал на содержание церкви десятую часть своих доходов, отчего она получила прозвище «Десятинная». Церковь была облицована мрамором, расписана внутри и снаружи, блестящим множеством вызолоченных крестов.

Крепость на Киевской горе со свержавшим над ней храмом возвышалась метров на 25 выше Боричева града — древнейшей языческой твердыни киевлян на Замковой горе, в свою очередь вздымавшейся над Днепром метров на 60. Христианская святыня оказалась стоящей как бы «на небе».

В «Списке русских городов дальних и ближних» есть указание, что Десятинная церковь в Киеве имела «25 верхов». «Список» этот появился, как установил М. Н. Тихомиров, в конце XIV века. Однако Десятинная церковь была разрушена полчищами Батыея еще в середине XIII века при штурме, погроме Киева, и в конце XIV века от нее оставались лишь руины. Большой хронологический разрыв в 150 лет вызвал у историков сомнения в достоверности сведений «Списка русских городов». Недоверие усилилось после раскопок остатков церкви в начале — середине XX века. Дело в том, что «верхом» храма искусствоведы считают церковную главу, а 25 глав на обнаруженных фундаментах поставить почти нелегко или, во всяком случае, неправомерно. И все же.

Исследуя «Список русских городов», М. Н. Тихомиров установил его добротность как исторического источника, что его данные вполне достоверны, а ошибок в нем нет. «Список» суммировал какие-то прежние списки городов и поэтому содержал более ранние сведения о примечательных постройках этих городов. Вопрос же о «верхах» Десятинной церкви можно уточнить, если обратиться к глубинам народного понимания слова «верх храма», учесть старые представления о символике этого «верха».

В одной древней колядке (от слова «коло» — круг, хоровод), записанной на Украине (Киевская старина. 1889. Янв.), рассказывается-поется о... постройке деревянной (!) киевской Софии, которая, как известно, появилась в 952 году при княгине Ольге (нынешняя каменная София построена в первой половине XI века, деревянная же на ее месте сгорела в 1016 году). Из колядки приведем место, где говорится о «верхах» строящегося храма.

...Присвята Дива
 Зизвала... сорок ремисников:
 «Ой прийде же вы ремисничейки,
 А визнит же вы кедрове древо,
 Збудуйте з него святу Софию,
 Святу Софию в святем Кийови.
 Бы на ний було сямдесять верхив,
 Симдесять верхив, симдесять крыжив,
 Семеро дверей, а едины пидлоги»...
 А заслав Господь ангела з неба:
 «Не влякайтеся, ремисничейки...
 Крыжи робите, верхи зводите». сличнейко,
 Един вершейко и браз Престил,
 А в тым вершику — золотый Господь...»
 За тым Престилом Сам мылый

Народ-хранитель русского языка, по-

нятий, прекрасно понимал, что «верхом» храма является прежде всего его крест («крыж»). Следовательно, Десятинная церковь в Киеве имела не 25 глав (сколько их было, остается неизвестным, да и «глава» понятие позднее), а 25 крестов, которые увенчивали храм. Кресты, очевидно, стояли на всех возвышенных частях храма и составляли характерную особенность его облика.

Но «вершики» — это ведь золотые Престолы, а «Храм Божий есть образом Града Иерусалима, сходящего с небесе от Бога», посреди которого возвышается Его Престол в окружении 24 престолов белых старцев. Десятинная церковь, христианская крепость, в целом строилась, следовательно, во образ 25 Небесных Престолов, Святой Божественной Ограды, Небесного Града.

Известие «Списка русских городов» недавно нашло неожиданное и своеобразное подкрепление. И. С. Красовский провел метрологическое исследование остатков фундаментов Десятинной церкви (Сов. археология. 1984. № 3). Анализ показал, что храм был построен с помощью греческих футов в 30,8 см (подкупольный квадрат — 25, ширина шестиэтажной части храма внутри — 50, с галерей — 100 футов). Но самым удивительным оказалось то, что в нем была применена также русская малая сажень в 142,2 см, и где? Храм — квадрат в плане — имел 25 малых сажен в длину и 25 в ширину. Иными словами, уже в общем размерении основания Десятинной церкви было избрано «Небесное число», причем греческие мастера применили его в саженях — очевидно, идя навстречу пожеланию русского заказчика храма князя Владимира.

Вспомнив слова Павла Флоренского о таинственном (небесном) содержании символа, здесь уместно напомнить, что Владимир, в святом крещении Василий, был похоронен в Десятинной церкви, символизировавшей собой Вышний Град Иерусалим. А когда первый из русских иерархов митрополит Иларион в середине XI века провозглашал «Похвалу Владимиру», то, соединяя «земное» и «небесное», сказал: «Василий — им же написана в книги животна въ Вышнем Граде и нетленнемъ Иерусалиме!» Всем киевлянам, надо полагать, были тогда хорошо понятны эти слова. Ведь они воочию видели «Град Святой», как бы сошедший «с небесе от Бога» на их Киевскую гору стараниями помянутого князя.

Заслуживает внимания еще один факт, записанный в хрониках под 1044 годом. Киевляне к этому времени стали называть первую христианскую крепость на Киевской горе «Владимиром», очевидно, в честь князя, крестившего

Русь. В имени этом звучало пожелание христианству «владеть миром».

И действительно, из этого центра стала распространяться по Русской земле христианская вера. Но «князь-креститель» сделал для такого распространения второй важный шаг, который до сих пор по достоинству не оценен. Он основал еще два «Владимира»: один на Волыни, другой на Клязьме, в Залесской земле, для того чтобы поколения его внуков и правнуков возвысили эти города, превратили их в такие же христианские центры, какой он создал на Киевской горе посреди древнерусской столицы. И потомки выполнили завет своего великого князя-предка. В итоге все три города Владимира: Киевский, Волынский и Залесский действительно оказались теми центрами, из которых активно распространялось христианство по Южной, Западной и Северо-Восточной Руси.

Сын Владимира Ярослав Мудрый, великий наследник отца, продолжил преобразование Киева из языческой столицы в христианскую. Но он не просто пристроил к городу «Владимиру» новую крепость, переселив туда киевлян под защиту ее мощных стен. Посреди этой новой крепости он выстроил огромный храм св. Софии «о 13 версах» как символ «Христовой и Апостольской церкви». Рядом он построил еще несколько каменных храмов (свв. Георгия, Ирины, Лазаря...), сходных по своим посвящениям с храмами Иерусалима — священного города Палестины. Говоря иначе, рядом с киевским «Небесным Иерусалимом» X века появился в середине XI века символ Иерусалима земного, причем путь к «Небесному городу» шел через Золотые ворота этого «Земного Иерусалима».

Однако нельзя слишком приземлять храм и город Ярослава, забывая о переплетенности, взаимопроникновении символов. Ведь двенадцать Апостолов явились в основание Небесного Града, а Сын в этом Граде сел на Престоле одесную Отца.

* * *

Псков известен был тем, что еще княгиней Ольгой где-то около 965 года, то есть до крещения Руси, в нем был основан храм, посвященный Божественной Троице. Храм стоял на высоком скалистом треугольном в плане холме, обнесенном крепостной стеной. С двух сторон этот город-крепость омывался водами рек Великой и Псковой, с третьей стороны от посада был отделен рвом — Греблей.

«Дом Святой Троицы» — стало обычным иносказательным «прозвищем»

города. Само по себе оно уже было примечательным, направляющим внимание на возвышенное восприятие Пскова. Но как речевое-расхожее до поры до времени, казалось бы, ни к чему не обязывало в строительном отношении — ведь Новгород, например, слыл «Домом святой Софии», Изборск — «Домом святого Николая» и т. п.

И все же более точное наименование посвящения соборного храма — во имя «Заветного Образа Троицы Живоначальной» — указывало постоянно на «небо». Более того, «псковичи-философы», конечно же, знали вопрошение Господне, переданное Исайей: «Небо — Престол Мой, а земля — подножие ног Моих: где же постройте вы Дом для Меня, и где место покоя Моего?» (Ис., 36, 1). Так как Псков оказался единственным из крупных городов Руси, в котором главный храм был посвящен Троице, то получалось, что Сам Господь Бог велел псковичам построить «Дом» для Него именно у них.

Наконец, существует документ, который уже прямо указывает адрес, которым, очевидно, всегда руководствовались псковичи в своем «Божественном Домостроительстве». В 1547 году Русской православной церковью был канонизирован псковский князь Всеволод-Гавриил, который заложил в Пскове каменный Троицкий собор на месте деревянного еще в начале XII века. Митрополит Макарий в этой связи благословил пресвитера Василия написать житие святого князя*. В «Житии» проглядывает самое глубинное, самое сокровенное понимание символической сущности восприятия города:

«И бысть радость велика в Бого-спасаемом граде Пскове о пришествии блаженного князя Всеволода. Святому же тако же радостью объята бывшу... о пришествии своем в Бого-спасаемый град Псков якоже в Горний Ерусалим: провидя святой духом честным своим мощем положенным быти в нем (разнотения: «якоже в Горний Ерусалим внидоша и». Степенная книга, ч. 1).

Строительство храмового комплекса «Дома Святой Троицы» из 25 престолов-церквей в центре Пскова (в пределах древнего ядра города) началось после бедствия 1362 года, когда неожиданно

* Псковский пресвитер Василий, образованнейший человек своего времени, составил в середине XVI века жития святых Всеволода-Гавриила, Александра Невского (одна из редакций), Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого и других, вошедшие в макариевские Четьи-Миней. Впоследствии принял монашеский постриг в псковском Крыпецком монастыре под именем Варлаама.

Дом Святой Троицы
в центре вечевого Пскова
на рубеже XV—XVI вв.
Картина-реконструкция
Г. Я. Моксева

обрушились своды Троицкого собора XII века. Новый собор по старой основе был возведен в 1365—1368 годах. К 1373 году вблизи от него в Довмонтовой стене строится каменный храм во имя нового псковского святого князя Тимофея-Довмонта. Примечательным был третий храм: к 1376 году «церковный мастер» Кирилл соорудил каменную церковь «в свое имя», в честь св. Кирилла Иерусалимского. Затем следует почти непрерывная цепочка перестроек старых и возведения новых церквей (некоторых — с придельными храмами) на территории Довмонтовой стены в 1383, 1385, 1395, 1398, 1404, 1407 годах.

Н. Н. Воронин, подметив необычность упоминания в летописях строительства ремесленником «своего» храма, высказал правдивую мысль о том, что Кирилл восстанавливал Троицкий собор. За свою работу он получил большие средства от псковичей и, пожелав употребить их на строительство храма, удостоился чести возвести отдельную церковь «в свое имя». Но дело, кажется, заключалось не просто в награде.

В 1367 году, то есть одновременно со строительством Троицкого собора, на торгу Пскова перед будущим храмовым комплексом была возведена, тоже, надо полагать, не без церковного мастера, каменная церковь во имя св. Иоанна Богослова — описателя Горнего Иерусалима. Идея Небесного Града была тем самым как бы заявлена, определена. Оставалось только ее реализовать, что и обнаруживается в последующей цепочке возводимых каменных церквей на пространстве между Троицей и Иваном Богословом.

Кирилл, очевидно, предложил и, как церковный мастер, делал реально возможным осуществление идеи создания в центре Пскова рукотворного «Дома Святой Троицы». Ему и позволено было сразу же после строительства самых необходимых для псковичей святынь — Троицкого собора и храма св. Тимофея-Довмонта, начать «своим» храмом возведение градостроительного символа.

В 1415—1416 годах каменный собор Св. Софии в Довмонтовой стене отстраивал уже «церковный мастер» Еремей. Он был, очевидно, учеником-преемником Кирилла, продолжая его начинание. В 1420 году упомянут еще один «мастер Святые Троицы» Федор, который отстраивал собор притворами, придельными церквами (собор в итоге получил шесть приделов).

Таким образом, псковский храмовый комплекс был, очевидно, задуман и частично выстроен гениальным зодчим-градостроителем, церковным мастером Кириллом, а закончен церковными масте-

рами Еремеем и Федором. Если создатели замечательных построек Древней Руси, как правило, неизвестны, то здесь случай редчайший. Мы узнаем об авторах-творцах не просто отдельного сооружения, а уникального храмового комплекса, одухотворенного единой символической идеей Небесного Града.

По мере постройки новых церквей и перестройки старых в Довмонтовой стене (здесь их было возведено, включая придельные, 18) псковичи стали избирать из них соборные храмы. В итоге к 1471 году в центре Пскова появилось 6 соборов в дополнение к главному собору — Троицкому. 6 соборов Довмонтовой стены соответствовали 6 концам Пскова, а остальные 12 храмов — 12 пригородам Псковской земли. Концы Пскова и пригороды земли как бы выставили возле Троицы свои храмы, знаменуя этим свое единство в «Доме Святой Троицы». Таким образом, социально-политическое деление стольного города и его земель было отражено в структуре храмового комплекса. Символ обнимал собой всех псковичей.

Существование в псковском «Доме Святой Троицы» семи соборов, в которых ежедневно велась служба, не было случайным. Ведь в Небесном Граде находилось «седмъ свещников огненных, горящих перед Престолом». В прениях псковских священников с латинскими монахами в 1491 году псковичи вспоминали описателя Горнего Града: «Премудрость созда себе храм и утверди столпов седмъ, яве же есть седмъ Собор Святых Отец и седмъ век доводяще до будущего века, — по Богослову Иоанну» (АИ, 1, с. 525). Многосложная по истолкованию семиричная символика нашла свое воплощение в псковском храмовом комплексе.

Не был случаен и белый цвет комплекса. У художников вообще считается труднейшей задачей при создании картины писать «белым по белому». Но именно это проделали псковские мастера. Побеленные бело-кремовые храмы были в середине XV века покрыты «белым железом» (луженым). Золотом сверкали лишь церковные кресты. В итоге «Дом Святой Троицы», как величественный белоснежный мираж, поднимался в центре Пскова над его многоцветной застройкой и зеленью. Все это, очевидно, сразу же позволяло вспоминать Откровение Иоанна Богослова: «И на престолех видех двадесят и четыре старцы сидящие, облечены в белые ризы и имяху венцы златы на главах своих».

Белый цвет в христианской символике всегда считался символом свободы, чистоты помыслов и дел, безгрешности. «Камень белый — победительный... белые одежды — признак светлой жизни и

непрестающей радости и веселья», — писал Андрей Кесарийский (Толкование на Апокалипсис, II, 17; IV, 4). «Побеждающий облечется в белые одежды... побеждающему дам сесть со Мною на Престоле Моем», — написано у Иоанна Богослова от лица Пресвятой Троицы (Апок., 3, 4, 5).

Победная символика храмового комплекса поддерживала псковичей в трудные времена. Когда в 1581 году Псков окружила стотысячная армия польского короля Стефана Батория, многие псковичи видели три светлых луча, стоявшие над Довмантовой стеной. Они истолковали знамение как покровительственное осенение Пресвятой Живоначальной Троицей их города. И победили.

* * *

К а ш и н расположен восточнее Твери близ Углича в 12 км от Волги. Его давно называют «городком», подчеркивая этим маленькие размеры населенного пункта. Но в XIV веке он был стольным городом Кашинского княжества, а во второй половине XVI века одним из крупных городов Московской Руси: в нем тогда имелось около 70 соборов и церквей, 13 монастырей. Возрастанию Кашина, его населения при Иване Грозном способствовала открывшаяся тогда северная морская торговля, так как город оказался расположенным на пути из Москвы к Архангельскому порту.

Кашин возник где-то в XII веке на примечательном месте — в крутой петле речки Кашинки. Узкий перешеек петли горбился высокой горой, на макушку которой была «надета» треугольная корона Острога, а внутри крепости поставлен собор Воскресения Христова. Посад и торг размещались внутри петли реки на низкой ровной площадке. Пройти сюда можно было либо сквозь крепость, либо по мостам и лавам через Кашинку. Посад находился как бы на дне природной чаши, так как петлю реки снаружи окружал высокий берег до 25 метров высотой, «нарезанный» оврагами на отдельные «горы».

Когда в XVI веке город разросся во все стороны, его новые слободы разместились по кольцу гор снаружи петли реки. На горах, в свою очередь, были поставлены парами (зимний рядом с летним) деревянные слободские приходские церкви, четыре монастырских храма. Так возникло уникальное «горнее храмовое ожерелье».

Городской пейзаж напоминал лунный кратер: в центре на высокой горе в Остроге вздымался городской собор, по горам за петлей реки — другие храмы слобод и монастырей. Жители посада на дне «природной чаши» всегда видели

вокруг себя и выше своих домов на фоне облачного, чисто-голубого или закатно-красного неба это горнее кольцо храмов.

Возникновение «храмового ожерелья» выглядело почти нерукотворным: его появление было как бы продиктовано самой природой, своеобразием места. Однако это не совсем так. Кашинские мастера-градостроители, очевидно, лишь оттолкнулись мыслью от кольца гор, чтобы создать на их месте символ «Горнего Града». Тема этого «Града» и искусственный характер его построения обнаруживается в следующем.

Число храмов в «ожерельи» к концу XVI века составляло цифру «24» (!), а это было достигнуто, конечно же, нарочитым к ней стремлением. Во-вторых, кольцо из нагорных храмов снаружи петли реки могло быть замкнуто на нагорном же соборе Воскресения Христова в Остроге. Но оно здесь, наоборот, было разомкнуто, расширено и опущено в пойму реки на низкий Козьмодемьянский берег и на такой же берег Ягушкиной слободы для того, чтобы обвести кольцо храмов вокруг собора, оставить главный Божественный Престол в середине «ожерелья» (к тому же в неисполненном, замкнутом на соборе кольце не было бы 24 храмов). Наконец, на окраине Кашина при подходе к городу Бежецкой дороги кашинские мастера поставили храм во имя св. Иоанна Богослова. Именно отсюда, с севера, Кашин виден был весь своим «Горним Градом». А при подходе к городу с юго-запада по Московской дороге путника встречал другой храм: «Входа в Иерусалим».

Необходимо заметить, что Кашин имел в конце XVI века сложное и многогранное построение своей градостроительной композиции (см. Памятники Отечества. 1990. № 2). Показанный здесь символ Небесного Града был лишь одним из элементов этой уникальнейшей композиции.

* * *

Москва по-своему, по-особенному стала на путь символического градостроительства. В ее структуре, композиции различные символы, не только культурные, но политические, воинские, стали наслаиваться, перемешиваться. Некоторые из них были присущи ей одной. Элементы Небесного Града оказались встроенными в сложное их сочетание. Чтобы дать представление об этом, достаточно рассмотреть хотя бы один из «политических» символов, например, символ «Соборной Руси».

В начале XIV века, еще в условиях золотоордынского ига, московский великий князь Иван Калита начал разными способами — «кнудом», «пряником», по-

купками — присоединять к Москве раздробленные феодализмом русские земли, причем дело это было активно продолжено наследниками Калиты. Из стольных городов присоединяемых уделов выселялись в Москву «лучшие люди», которые образовывали в столице слободы, сотни: Дмитровскую, Ростовскую, Устюжскую, Хлыновскую, Ржевскую, Новгородскую, Тверскую, а то и просто общины: «сведенцев» из Переславля-Залесского, Старицы, Ярославля, Пскова, Смоленска... При этом в Москву вывозились особо чтимые местные святые, чтобы здесь, уже «в сборе», они начинали новое существование, символизируя единство Русской земли и народа.

Так, в иконостасе Успенского собора Кремля появились святые иконы Спаса из Новгорода, Покрова из Пскова, Благовещения из Устюга, Одигитрии из Смоленска, Богоматери из Владимира. В Ивановской колокольне со звоном кремлевских колоколов слились голоса вывезенных соборных колоколов Твери, Смоленска, «вечников» Новгорода, Пскова. Но святые свозились не только в Кремль.

Начиная с XIV века в Москве стали появляться подворья-представительства городов и крупнейших монастырей Русской земли. Они нередко располагались на территориях общин земляков-сведенцев. В структуре столицы, включая Кремль, таких подворий в XVII веке стало насчитываться более сотни. На каждом стоял хотя бы небольшой храм, и вместе с другими храмами сведенцев они наполняли панораму Москвы множественством церковных глав и «стожарами» золотых и медных крестов, включаясь в храмовое многоглавие столицы.

А соборный колокольный звон — этот многоголосый «хор» Москвы, ее Благовест (по-гречески — Евангелие)! Современники, особенно иностранцы, свидетельствовали, что он был грандиозен и не походил своей мощью ни на один благовест других городов.

Но московский символ «Соборной Руси» не выходил своим содержанием из границ Русского государства, хотя и расширявшегося. Осмысление же роли Москвы во всемирном масштабе началось, в сущности, после двух внешних взаимосвязанных по времени событий: с одной стороны, захвата турками-мусульманами православных государств Сербии в 1389 году, Болгарии — в 1396-м, Византийской империи — в 1453-м, а с другой — освобождения в 1480 году от ига татаро-монгольской Золотой Орды православной Руси.

Москва стала рассматриваться после этих событий как новый мировой христианский центр — «третий Рим», а сво-

бодное, самодержавное Русское государство — как новый оплот православия.

Естественно, в структуре столицы появились политико-религиозные символы прежних «мировых» христианских столиц — Рима, Константинополя (Рима второго), а также священного города христиан — земного Иерусалима, наконец, Иерусалима Небесного.

Задачу разобраться в сложном структурном и композиционном конгломерате символов древней Москвы давно взял на себя М. П. Кудрявцев. Исследователем опубликован ряд статей, в том числе и в «Памятниках Отечества» (1980, № 2; 1988, № 1). Результаты анализа московского символа Небесного Града можно кратко пересказать следующим образом.

При великом князе Василии III в 1532 году строится возле церкви Иоанна Лествичника собор Воскресения Христова, при котором в 1555 году устраивается второй престол во имя Рождества Христова. Этот Спасский собор стал основой кремлевского символа Небесного Града. На Соборную и Ивановскую площади, трактуемые как единое пространство, было введено 12 входов-въездов по 3 с разных сторон света. Об искусственном построении символа свидетельствуют три северных входа-въезда, устроенных рядом друг с другом.

При Иване Грозном снаружи Кремля перед Фроловскими (Спасскими) воротами появляется Лобное место — «Голгофа» (впервые упоминается под 1549 годом). В 1555—1561 годах в память о взятии Казани и Астрахани рядом с Лобным местом возводится 25-главый собор Троицы на Рву (назывался также «Иерусалимом», собором Покрова на Рву, ныне храм Василия Блаженного). Архитектурные формы собора напоминают своеобразную «дарохранительницу» — Сион, Иерусалим, а точнее — богато украшенную «напрестольную сень».

Собор Троицы на Рву, с его 25 крестами (ныне утеряны главы на шатре Иерусалимском приделе, при звоннице) явился символом Небесного Престола (25 престолов), а его градоподобные формы символизировали Небесный Град. В приделах собора — маленькие помещения, а пространством для молящихся Пресвятой Троице служила Лобная-Троицкая площадь перед собором. Здесь и стали проводиться богослужения для всего населения Москвы. Перед Лобным местом «ставились с образы как на крылосе», а на само Лобное место водружался аналой. Город в центре получил, таким образом, площадь для всеобщих молебствий. Как сказал о Небесном Граде св. Иоанн Богослов: «И храма не видел в нем: Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть и Агнец» (Апок., 21, 22).

В 1591 году царь Федор Иоаннович выстроил вокруг всей Москвы Деревянный город, или Скородом, в котором было устроено 12 главных трехшатровых ворот: «От востока врата троия, и от севера врата троия, и от юга врата троия, и от запада врата троия» (на Петровом чертеже Москвы конца XVI века последние по счету ворота в Замоскворечье не названы, а обозначены номером «12»).

Не только православные христиане, но и католики хорошо понимали смысл подобных символических трансформаций русской столицы, возраставшее духовное значение Москвы. Когда в начале XVII века разразилось время смут, войн, грабежей, смертоубийств, поляк Маскевич, оказавшийся свидетелем нападения польско-литовских интервентов на русскую столицу, писал: «Итак, мы снова запалили ее, по изречению Псалмопевца: «Град Господень измету, да ничтоже в нем останется».

Только в 1650-х годах, когда вместо сожженного Скородома был устроен Земляной (бастионный) город, стали снова примечательными его 12 главных трехшатровых ворот, часть которых позднее, на рубеже XVII—XVIII веков, стала каменной (Сухарева башня, Красные ворота).

В этой статье нет возможности описать все символические элементы Москвы с возможными трактовками их в качестве элементов символа Небесного Града (река Москва, Государев сад, полукольцо из семи монастырей с севера от Красной площади-храма и пр.). Обо всем этом можно прочесть в последней по времени статье М. П. Кудрявцева и Т. Н. Кудрявцевой в «Ландшафтной архитектуре» (Информационный бюллетень. 1990. № 2).

В Ленинской библиотеке Москвы хранится Библия 1663 года, гравированная для царя Алексея Михайловича. На титульном листе, в окружении ветхозаветных и евангельских сюжетов помещен в центре план Москвы, а над ним — герб Русского государства, двуглавый орел, на груди которого вместо традиционного Георгия Победоносца изображен сам царь Алексей Михайлович, поражающий копьём змия. Над планом Москвы и над гербом надписи, взятые из книги пророка Исайи: «Аз поставих царя с правдою и вси пути его прави», «Сей созиждет Град Мой», «Восстани, восстани Иерусалиме и облещися в крепость мышцы Твоя» (Ис., 45; 51, 9).

Столица Руси безусловно мыслилась строящейся во образ Небесного Града не столько волею земного царя, сколько промыслом Царя Небесного и Земного — Христа.

Сравнивая символы Небесного Града рассмотренных здесь древнерусских городов, можно кратко отметить следующее.

Формы, образы символов были разными, потому что сами русские зодчие-мастера не видели Великого Града и «не наслаждались его неизреченной красотой». Словесные описания позволяли разрабатывать различные сюжеты «Града» в разных трактовках форм, что они и делали так, как эти сюжеты и формы понимали, представляли.

Для всех символов характерно, прежде всего, использование образа 25 Небесных Престолов. В двух случаях (Киев и Москва) «Престолы» трактовались как завершение храмов, двух (Псков и Кашин) — как сами храмы.

Крепостные стены вокруг «Престолов» (собственно «грады») оказались выстроенными в трех случаях по-разному: вокруг храма (Киев), комплекса храмов (Псков), всего огромного средневекового города (Москва); в одном случае (Кашин) 24 храма-престола ограждены не были.

Архитектура символов здесь не рассмотрена. Но она была разнообразной, поскольку и города находились далеко друг от друга и символы создавались в разные столетия — от X до XVII века.

Для псковского «Дома Святой Троицы» удалось выяснить имя гениального творца-автора (церковный мастер Кирилл), а также его соавторов.

Здесь указаны лишь основные признаки «небесного образца» и прослежены только главные формы земных градостроительных символов Небесного Града. Детали их еще предстоит исследовать подробнее. Как и то, что подобные символы следует искать и в других древнерусских городах. Не приведены также примеры древнерусских монастырей, строившихся во образ Небесного Града (см. статью С. А. Шарова о Соловецком монастыре // Архитектурное наследство. 1986. № 34). Но, помня о них, следует в итоге сказать о главном.

В христианском средневековье не было более высокого градостроительного символа, чем Небесный Град. Греческие зодчие указали русским мастерам высочайший образец, на который следовало равняться при строительстве христианских городов (хотя в самой Византии таковых ярко выраженных городов не было). И русские зодчие-градостроители оказались талантливыми учениками, превзошедшими учителей при своем стремлении приблизиться в своих произведениях к «Созданию» Самого Божественного Творца.